

КРИСТИНА КАРДО

ЕГО ДРУГ

Хочет МЕНЯ

18+

Кристина Кардо

Его друг хочет меня

«Автор»

2026

Кардо К.

Его друг хочет меня / К. Кардо — «Автор», 2026

— Я не трону тебя, — сказал он, поправляя мне юбку. — Ты в безопасности. Я поверила. Зря. Мой парень влез в долги и попросил меня его спасти. Временно сыграть роль девушки его друга - богатого мажора Давида Воронцова. Но Давид оказался тем еще манипулятором! Он с самого начала это планировал, хотел меня присвоить себе. Выкупить за долги, зная, что я не смогу отказать. И я попала в его ловушку.

© Кардо К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3.	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристина Кардо

Его друг хочет меня

Пролог

За шесть месяцев до событий первой главы.

Стакан пахнет апельсинами. Это единственное, что я запоминаю четко.

Мир перед глазами плывет. Тело ватное. Ноги подкашиваются.

— Ты глянь, Власова поплыла! — голос откуда-то издалека. — С двух глотков, ну дела.

Кто-то ржет. Я сползаю по стене.

Но затем... чужие сильные руки меня подхватывают и не дают упасть.

Эти жесткие пальцы. Грубые и уверенные.

— Кирилл? Где Кирилл?

Зову своего парня, но голос выходит смазанным, не моим.

Незнакомец не отпускает. Потом становится темно.

Я падаю на кровать. Мне страшно. Страшно пьянеть, страшно терять контроль.

Знаю, что юбка задирается, холодок ползет по бедрам. Я пытаюсь одернуть ткань, но снова чувствую чужие руки.

Прикосновение как разряд тока. Оставляют покалывания. Кожа горит и по телу расходится что-то вязкое. Приятная тягучая истома волной проходит от поясницы ниже, заполняя бедра, колени, щиколотки.

Я сжимаю в руке простыню. Часто дышу.

Он трогает мое лицо. Пальцы медленно убирают прядь с моего лба.

Чувствую его власть надо мной. И свою незащищенность. Снова его ладонь на моем колене...бедре.

Новая волна жара бьет по нервным окончаниям.

Распахиваю ресницы.

Пытаюсь сфокусироваться.

Мужское лицо. Красивое. Холодное. Глаза темные, неподвижные, смотрят на меня так, будто запоминают. Или вспоминают. Или ждут чего-то.

Ужас накрывает с головой. Я уверена, сейчас произойдет то, о чем потом нельзя будет забыть. Я пьяна, беспомощна, одна. А он... склонился надо мной.

— Тише, — говорит он негромко. — Я не трону. Ты в безопасности.

Мужские пальцы поправляют мою блузку. Даже заботливо.

Я хочу закричать. Спазм перехватывает горло.

Он продолжает. Спокойно, как будто ничего не происходит, проводит кончиками пальцев по линии моего подбородка. Его ладонь при этом обжигает моего колена. Она все там же. Я не понимаю, что происходит. Он пристает...или просто приводит меня в порядок со странной заботой.

Потом в коридор вваливается Кирилл. Слышу, что он пьян. Слышу по тому, как он сбивчиво орет:

— О! Воронцов! Ты чего тут? Это моя девушка вообще-то!

Парень выпрямляется. На меня падает тень от его мощного тела. Кажется, он долго смотрит на Кирилла. И тихо, с ледяной вежливостью произносит:

— Тебе лучше присматривать за своей девушкой. Ты обязан о ней заботиться.

Кирилл сразу трезвеет. Лепечет оправдания. Суется.

А я наконец закрываю глаза. Сознание уплывает, но прежде чем темнота накрывает меня полностью, я запоминаю две вещи. Первая, фамилия незнакомца Воронцов. Вторая — от его прикосновений внутри что-то болезненно сжалось.

В этот момент мне даже в голову не приходило, что этот парень через полгода купит меня у моего парня.

Глава 1

— Я должен денег. Много.

Чашка дрогнула в моих пальцах. Кофе выплеснулся на блюдце, темная лужица растеклась по белому фарфору и я зачем-то отрываясь, смотрела на нее.

Кирилл стоял у окна спиной ко мне. Плечи опущены, ладони зарылись в карманы джинсов. За стеклом моросил дождь и его силуэт расплывался в мокрых разводах, будто он растекался вместе с дождем.

— Кому? — тихо спросила.

Он молчал. Тишина затягивалась и я услышала, как капает кран над раковиной. Размерно, через равные промежутки, словно отсчитывает секунды до чего-то необратимого.

— Людям, — выдавил он, наконец. — Не из банка. Если не отдам... сама понимаешь.

Я поставила чашку на стол. Пальцы почему-то стали ледяными, чужими. Наша съемная кухня с обоями в цветочек, которые мы вместе клеили в августе, показалась вдруг ненастоящей. Будто декорация.

— Сколько?

Кирилл обернулся. Помедлил еще секунду. И назвал сумму.

Воздух в легких сжался в тугой ком.

— Как?.. — едва выдохнула. Показалось, что мне послышалось.

— Да какая разница! — он сорвался с места, прошелся по кухне, задел плечом подвесной шкафчик. Дверца хлопнула. — Выход есть. Давид выкупил долг.

Давид.

Имя ударило по сознанию. Перед глазами снова вспыхнула спальня. Чужие пальцы на моей скуле. Задранная юбка. Темные неподвижные глаза. Холодный спокойный голос: «Я не трону. Ты в безопасности». Помнила каждую секунду той вечеринки, которая чуть не закончилась для меня плачевно. Хоть и пыталась забыть. А еще помнила, как Кирилл лепетал оправдания и пытался, суетясь, будто провинившийся пес.

— Воронцов? — переспросила я одними губами.

Кирилл закивал. Приблизился, сжал мои ладони в своих, влажных, дрожащих. Сжал чересчур сильно, до хруста.

— Ему нужно показать отцу и партнерам, что у него серьезные отношения. Всего месяц. Ты поживешь у него, походишь на ужины, поддержишь за руку. Долг спишут. Я свободен. Мы свободны.

Я выдернула руки.

— Ты с ума сошел? Предлагаешь мне жить с чужим мужчиной?

— Только игра! — Кирилл схватил меня за плечи. Заглянул в глаза. — Без всего. Геля, ты же меня знаешь, я бы никогда...

От его взгляда, полного боли и надежды, внутри все сжалось.

— Полгода назад... ты оставил меня с этим человеком... Ты же помнишь? — говорила тихо. Хотела его вразумить. — Или забыл?

Лицо Кирилла дернулось. Пальцы соскользнули с моих плеч. Он смотрел в самую душу.

— Я помню. Но это была дурацкая шутка. Давид не стал бы ничего такого делать, — потом он выдохнул, прикрыл глаза. — Прости... прости меня, моя маленькая. Я же тогда как мог заглаживал вину.

Он открыл глаза, они блестели. Кончики его пальцев коснулись моей щеки.

— Я же потом нашел того придурка, который подлил тебе водки в сок. Я чуть не убил его..., — Кирилл нежно гладил мое лицо.

Он говорил быстро, глотал слова. А я смотрела на его губы и почти не слышала. Вместо звуков чувствовала запах. Цветочный, сладкий, чужой. Он вьелся в воротник его рубашки и сейчас, когда Кирилл снова приблизился, ударил в нос.

Этот парфюм казался смутно знакомым.

— Замолчи, Кирилл!

Он осекся на полуслове.

А потом заплакал. Взахлеб, трясаясь, уткнулся лбом в мое плечо. Теплые слезы закатали на футболку. Пальцы вцепились мне в предплечья, будто я единственная опора в целом мире. Моя рука сама поднялась погладить его по волосам. Привычка. Рефлекс, встроенный годами.

Я стояла и гладила его и смотрела в темное окно. В отражении двое. Он разбитый, подавленный. Я с каменным лицом и пустотой в душе.

— Без тебя пропаду, — шептал он мне в плечо. — Страшно. Так страшно. Ты же любишь меня? Ты поможешь?

Внутри стало невыносимо тяжело. Между нами было много “но”, но мы вместе три года. И я не могла его бросить. Бросить - значит предать.

— Хорошо, — произнесла тихо.

Он вскинул голову. Мокрые ресницы, красные глаза, а в них - облегчение. Почти радость.

— Месяц. Никакого секса. Только игра. Можешь сразу передать это Давиду. Пусть свои руки от меня держит подальше, — сразу поставила условия.

— Клянусь! — он схватил мое лицо ладонями, поцеловал в лоб, в щеки, в губы. — Ты святая. Ты лучшая. Я все налажу.

От него пахло кофе и... снова этими, чужими духами.

Я принялась, пытаюсь прислушаться к запаху.

Наверное показалось. Просто невроз или легкая паранойя.

Но отстранилась. Просто машинально. Вытерла губы тыльной стороной ладони и посмотрела в его сияющие глаза. Во рту стоял странный привкус горечи.

— Звони своему Воронцову.

Телефон уже был в его руке. Пальцы порхали над экраном, голос звенел.

— Да. Она согласна. Да... Да, я помню условия. Сегодня?

Я стояла в дверях кухни и смотрела на его затылок.

Слово «сегодня» прозвучало на повторе. По коже разошлась дрожь.

Быстро они договорились.

Кирилл опустил телефон, обернулся. Сияющий. Счастливый. Будто только что выиграл в лотерею.

— Все решено. Сегодня к десяти.

Я ничего не ответила.

Посмотрела на кофейную лужу на столе. Капля сорвалась. Ударилась об пол.

Месяц. Всего месяц. Потом вернусь и все станет как прежде.

Но «как прежде» больше не будет никогда. Я еще не знала этого, но уже чувствовала холодок в позвоночнике, смутный, как отголосок чужого голоса в темноте.

«Я не трону», — сказал он тогда.

Интересно, ложь или нет.

Скоро узнаю.

Глава 2

Кирилл ушел через десять минут после звонка. Поцеловал в висок, сказал: «Завтра все наладится» и... исчез за дверью. Я осталась стоять посреди кухни, глядя на кофейную лужу, которая уже подсохла по краям.

Через полчаса в дверь позвонил курьер.

— Доставка для Ангелины Власовой, — парень в черной форме протянул мне коробку. Тяжелую. Перевязанную матовой лентой без единого логотипа.

Я закрыла дверь и поставила коробку на стол. Откинула крышку.

Сверху лежали розы. Пять штук. Темно-алые, почти черные по краям лепестков, с влажным блеском, будто их только что срезали. Я сглотнула. Не розы, кровь на стеблях. Но это был просто цвет.

Под розами нашла завернутое в тонкую папиросную бумагу платье. Я вытащила его из коробки и замерла.

Тяжелый шелк. Цвета темного вина. Длинное, в пол. Закрытое спереди и абсолютно, невозможно открытое сзади. Вырез до самой поясицы. Без возможности надеть белье. Любое будет видно. На дне коробки лежала записка. Почерк острый, летящий, буквы как лезвия: «Надень. Машина в десять. Давид».

Ни «пожалуйста». Ни вопросительного знака.

Я стояла над коробкой и в голове билась одна мысль, он выбрал мне платье, за которым невозможно спрятаться.

Ровно в десять под окнами остановился черный «Мерседес».

Молчаливый водитель в костюме и белых перчатках открыл мне дверь, я села в салон, пахнувший кожей и чужим дорогим парфюмом и почувствовала, как холодок скользит по голой спине, ткань платья почти не прикрывала позвоночник.

Машина везла меня через вечерний город. Мелькали огни, витрины, лица прохожих. Я смотрела в тонированное окно и пыталась унять сердцебиение.

Машина привезла меня к ресторану «Бархат». У меня даже не спросили имени, сразу провели через пустой зал. Я настороженно осмотрелась. Ни одного посетителя, только свечи на столиках, живой рояль где-то в глубине и дальше, в приватную вип-зону, огороженную тяжелыми портьерами.

Давид уже сидел за столом. При моем появлении он поднялся. Медленно, без спешки. Я снова поймала себя на мысли, что он занимает собой все пространство. Высокий, широкие плечи под серым костюмом, темные волосы зачесаны назад. Красивое, холодное лицо. И глаза... те самые, неподвижные, оставляющее осязаемый след на коже, когда он смотрел.

— Ангелина, — произнес он вместо приветствия. — Ты пунктуальна. Это редкость.

Голос ровный, низкий, обволакивающий. Ни тени улыбки на губах, но в интонации что-то интимное, как если бы мы уже давно и хорошо знакомы. Хотя тот случай был единственным случаем нашего знакомства. Дальше я старалась с ним не пересекаться, не смотря на то, что он был лучшим другом Кирилла.

— Я не знала, что у меня был выбор, — улыбнулась иронично ему в ответ.

Он чуть склонил голову, разглядывая меня. От макушки до кончиков туфель. Без стеснения. Без попытки скрыть, что оценивает.

— Платье село идеально, — заметил он. — Садись.

Я села. Официант возник из ниоткуда, наполнил бокалы. Я сразу попросила просто воды. Давид потягивал вино. Чувствовала себя голой, хоть платье и закрывало грудь и плечи. Но

спина — вся спина, до самой поясницы была открыта и холод от кондиционера касался позвонков.

— Ты нервничаешь, — проконстатировал он, убирая от губ бокал.

— Я не привыкла ужинать с незнакомыми мужчинами в пустых ресторанах.

— Синяя юбка, — произнес он задумчиво. — Кажется, она задралась выше колена. Я поправил. Ты, наверное, не помнишь.

Помню. До мурашек помню. Но ответить не получилось.

Короткая пауза. Его ладонь накрыла мою. На секунду, не дольше.

— Я тогда поправил ее. И ты дрожала точно так же, как сейчас.

Я стиснула ножку бокала.

— Давай сразу к делу, — быстро перевела разговор. — Что именно от меня требуется?

— Кирилл тебе не объяснил? — его бровь чуть приподнялась.

— Объяснил. Но я хочу услышать от тебя.

Давид откинулся в кресле, покрутил бокал в пальцах. Посмотрел на меня сквозь темное стекло.

— Месяц. Ты живешь в моем доме. Сопровождаешь меня на деловых ужинах и семейных мероприятиях. Изображаешь мою девушку. Целуешь при людях, разумеется. Не отталкиваешь. Никто не должен усомниться, что мы пара. За это долг Кирилла списывается. Полностью.

— И все? — переспросила. Не доверяла.

— И все, — Давид кивнул. — Без твоего согласия ничего не будет. Я не беру силой.

Последняя фраза повисла в воздухе. Я не беру силой. Почти точь-в-точь то, что он сказал тогда, в коридоре. Я не трону.

— А если я передумаю?

— Тогда твой парень останется должен. Последствия его и только его.

Произнес это без нажима, даже лениво. Но достаточно ясно, что бы я осознала, выбора у меня нет.

Официант принес закуски. Давид кивнул и тот исчез так же бесшумно. Я взяла вилку, но аппетита не было. Все здесь было чужим. Еда, обстановка, парень напротив. И я сама в этом платье, с голой спиной и застывшим сердцем.

Еще секунда и я откинула вилку. От звона задребезжало в ушах.

— Почему я? — спросила его, наконец. — Ты мог найти кого угодно. Зачем тебе девушка друга?

Давид поставил бокал. Посмотрел на меня долгим взглядом, от которого стало трудно дышать.

— Ты ему не подходишь, — сказал он просто. — И ты это знаешь.

— Это не ответ. Тебе я зачем?

— Почему бы и нет, — Давид лениво пожал плечами. — Он мне должен. А больше ему нечем расплачиваться.

Я не нашлась с ответом. В горле застрял тугой ком.

Он поднялся, обошел стол и встал у меня за спиной, заставив замереть. На долю секунды его пальцы коснулись моей голой спины. Почти невесомо, кончиками, у самого позвоночника, там, где начинался вырез.

— Замерзла? — его голос разорвал повисшую тишину.

— Нет, — соврала, покрываясь мурашками.

Он убрал руку. Обошел стол обратно и упал в кресло. Развалился как хищник. Холодный и сдержанный.

— Контракт у меня дома. Подпишем сегодня. Потом я покажу твою комнату.

Я молча кивнула. Сердце бешено колотилось.

Ужин наконец закончился. Давид помог мне подняться из-за стола, подал руку, я оперлась на нее, чувствуя тепло его ладони. Мы вышли из ресторана. У машины он остановился и повернулся ко мне.

— Формальность, — сказал он. — Надо закрепить.

И не дожидаясь ответа, наклонился. Его губы коснулись моих. Мягко, но оставляя ощущение его власти. Поцелуй длился всего пару секунд, в этот момент его пальцы на долю мгновения сжали мой затылок у основания волос. Не грубо, но ощутимо.

Я отшатнулась, переводя дыхание.

— Вот так, — произнес он, оставляя след влажного дыхания. — Теперь ты моя невеста. Привыкай.

Губы еще горели и в легких стоял его запах. Дорогой парфюм, горьковатый, древесный, удивительно теплый. Мурашки бежали по затылку, по голой спине, по рукам. Колени ослабли и я ненавидела себя за это. Ненавидела, что он заметил.

Давид отстранился. Его пальцы задержались в моих волосах.

— Дыши. Ты слишком напряжена.

— Холодно, — соврала я.

Взгляд лениво скользнул по моим плечам, заглянул за них, там где вырез платья открывал голую кожу до поясницы. Я кожей чувствовала этот взгляд почти физически и мурашки выдавали меня с головой.

— В машине теплее.

Давид открыл дверцу и подал мне руку. Я оперлась на его ладонь, садясь в салон и в этот момент он наклонился ниже, чем требовалось. Совсем близко. Губы почти у виска. Я замерла, перестав дышать.

Дверца захлопнулась. Он сел за руль, завел мотор. Я поймала его отражение в зеркале заднего вида и мне показалось, что он ухмыльнулся. Странная, едва заметная ухмылка, больше похожая на оскал.

Месяц только начался.

Глава 3.

Его дом показался отдельным миром. Закрытым. Тихим. Тишина была почти вязкой. И странной. Словно это был очень дорогой отель, где предусмотрительно установили хорошую шумоизоляцию.

Давид провел через холл, не оборачиваясь и я шла следом. Чувствуя, как его мужской парфюм смешивается с запахом полированного дерева.

Он даже двигался как хищник перед броском. Бесшумно, лениво, свободно. И все же было в нем какое-то едва уловимое напряжение.

— Твоя комната, — он толкнул дверь на втором этаже.

Я замерла на пороге. Кровать под балдахином, туалетный столик с резным зеркалом, свежие лилии на тумбочке. Здесь пахло свежестью и от лилий кружилась голова.

— Смежная дверь, — он кивнул на темное дерево справа. — Моя спальня. Замка с твоей стороны нет.

Я резко обернулась.

— В каком смысле нет?

— В прямом. — Он облокотился плечом о косяк. Смотрел спокойно, без смущения. — Если отец нагрянет с проверкой, все должно выглядеть достоверно. Но я не вхожу без стука. Ты же помнишь? Я не беру силой.

Помню. До мурашек помню.

— Осваивайся, — он наклонил голову набок. — Завтрак в восемь.

Я дождалась, когда он уйдет и только тогда обошла комнату.

Коснулась ручки смежной двери — заперто с его стороны. С моей — гладкая планка, ни щеколды, ни крючка. Потом спустилась вниз за водой и мимоходом заглянула в приоткрытую дверь кабинета. На стене фотографии в рамках. Благотворительный вечер трехлетней давности, мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях. Среди гостей мелькнуло смутно знакомое лицо — мое? Я прищурилась, но Давид кашлянул где-то рядом и я отступила.

Наверное, показалось.

Утром я спустилась к завтраку. Давид уже сидел с чашкой кофе и планшетом. Идеально выбрит, идеально одет.

— Кофе черный, без сахара, — сказал он, не поднимая глаз. — Ты такой любишь.

У меня холодок побежал по спине.

— Откуда ты знаешь?

Поднял взгляд. Выдержал паузу.

— Садись. Остынет.

Села на краешек, чувствуя, как внутри все сжимается. Черный, без сахара. Точно такой как я пью.

— Машина у крыльца в девять, — сообщил он, поднося к губам чашку. — После пар Стас привезет обратно.

Я кивнула. Допила кофе. И побежала к дверям.

В коридоре института меня накрыло волной перешептывания. Я шла мимо аудиторий и головы студентов поворачивались следом. Чувствовала их взгляды почти физически.

Кто-то хихикнул, кто-то осекся на полуслове. Воздух звенел от чужого любопытства.

— Власова теперь с Воронцовым, ты видела, на какой тачке ее подвезли? — донеслось от подоконника, где курили в открытое окно две старшекурсницы.

Я не обернулась. Постаралась не слушать, делать вид, что не замечаю. Дошла до своей аудитории. Села за стол и разложила тетради.

Лера Зимина возникла передо мной как по волшебству. Присела на край стола, закинула ногу на ногу, одарила приторной улыбкой. И до омерзения вязкой.

— Власова, привет. А где твой вечный должник Кирилл? Сдала в утиль?

У меня дернулся глаз, но я не подала виду. Бесшумно выдохнула и только тогда подняла голову.

— Тебе какое дело, Зимина?

— Мне - никакого. — Она наклонилась ближе и ее духи ударили в нос. Цветочные...я вдохнула их, напрягая память.

Она продолжила говорить, я же прислушивалась к этому запаху.

Уловила обрывок фразы.

— Просто все заметили, как ты быстро переобулась. Бюджетница наша, а живешь теперь в особняке Воронцова. Везет же некоторым.

В этот момент вокруг захихикали. Я стиснула карандаш.

— Или не везет? — добавила она тише, уже без улыбки. — Ты хоть знаешь, во что ввязалась? Воронцов не дает безвозмездно. Он всегда берет свое.

Я смотрела ей в глаза и молчала. Внутри дрожало, но показывать нельзя.

— Спасибо за заботу, — произнесла ровно. — Дальше сама разберусь.

Лера усмехнулась, соскользнула со стола и ушла. Шлейф ее духов остался висеть в воздухе.

Я выдохнула. Давид Воронцов слишком заметная фигура. И теперь я невольно стала объектом обсуждения всего потока.

Вечером водитель Стас привез меня обратно. На кровати уже лежало платье. Конечно новое, нарядное и темно-синее. Снова длинное, с открытыми плечами. Я надела его и спустилась вниз. Давид ждал у лестницы. Окинул взглядом, быстро, без комментариев, но уголок губ дрогнул.

— Поехали.

В ресторане его ладонь легла на мою талию и осталась там на весь вечер. Пальцы сжимали ткань, сдвигались ниже, на изгиб поясницы и я чувствовала каждое прикосновение кожей. Он вел светские беседы, я улыбалась, кивала, смеялась чужим шуткам и совершенно не понимала ни шуток, не тем бесед.

По правде говоря — мне было все равно.

Я просто играла свою роль. В принципе, на меня и смотрели как на приложение к Давиду. То есть почти никак.

А вот его рука...меня беспокоила. Слишком властно и часто он прижимал меня к себе. Проводил словно случайно подушечками пальцев по открытым позвонкам. Иногда чуть ниже, у самого края выреза, где он доходил почти до ямочек. И от этих прикосновений меня бросало в жар.

Я постоянно чувствовала контраст прохладного от кондиционера воздуха и его жаркой сухой ладони.

Когда мы вернулись, он отпустил меня у лестницы.

— Ты хорошо справилась, — сказал он. — Почти верил, что ты меня ненавидишь.

— Так и есть, — фыркнула, сжимая рукой перила. На обнаженной спине кожа все еще горела, словно он оставлял метки.

Давид усмехнулся.

— Значит, у нас месяц, чтобы это исправить.

Я поднялась в свою комнату, заперлась и прислонилась спиной к двери. Мне как можно быстрее хотелось снять это платье. Да, оно красивое. Но в нем я чувствовала себя как на динамите. Даже когда дверь комнаты была заперта.

Ночью проснулась от голоса за стеной. Давид говорил тихо, но перегородка позволяла слышать обрывки слов.

Слабо, неразборчиво.

Но я приблизилась, осторожно ступая по паркету. Прислушалась.

И где-то внутри что-то оборвалось.

— Нет, я не передумаю... Она будет моей... Терпение — это все, что нужно...

Пауза. Потом жестче:

— Пусть Зимин не лезет. Моя девушка — не их дело.

Его девушка?

Мои глаза округлились. Мне казалось, что я не должна была это слышать.

Глава 4

Я застыла, продолжая прислушиваться. Но дальше было тихо.

Затем дверь резко распахнулась. Внезапно. Настолько резко, что я едва не упала.

Сердце рухнуло к пяткам.

Давид облокотился локтем на дверной проем. Распахнутая черная пижама оголяла торс, на нем были штаны с низкой посадкой и я невольно уставилась на открытое тело и тонкую дорожку волос на рельефном животе.

У него и правда было крутое мужское тело. Я машинально даже сглотнула.

Понимала, почему он вызывает такой ажиотаж среди девушек. Дело не только в деньгах, которых у него было до неприличия много. Он во всем эффектен. Даже внешне.

— Решила пожелать мне спокойной ночи? — мягко поинтересовался. Меня от этой мягкости пробило ознобом. Особенно, когда на его губах заиграла ироничная улыбка.

— Нет, — мотнула головой.

— Подслушивала?

— Что? — краска ударила в лицо и залила все до кончиков волос.

Он знал. Черт. Небось специально все подстроил.

Это и пугало. Я с каждой минутой в его компании теряла грань, где заканчивается реальность и начинается розыгрыш.

— Заходи, — от отступил и кивнул на свою половину комнаты.

Я в дрогнула, мотнула головой.

— Нее...

— Это не просьба.

Улыбка все так же играла на его губах, но голос прозвучал жестче, требовательнее.

Ноги сами занесли меня в его спальню. Я попала в мир полутонов. Все вокруг состояло из мало хрома. Серый, сдержанный, сложный, минимализм, помноженный на такую роскошь.

Давид плавно двинулся к бару. О да, в его спальне был отдельный бар. На стол со звоном опустилось два бокала и на дно упало по паре кусков льда.

— Будешь? — одним движением он скрутил крышку. Плеснул янтарное содержимое в бокалы. В воздухе повис крепкий аромат, смешанный с миндалем.

Я как замороженная, следила за его действиями, как он все делал плавно, как играли линии его пресса и груди, ловя кожей фактурный свет.

Он поймал мой взгляд, улыбнулся. Прядь черных волос упала на его скулу.

— Держи, — подвинул ко мне стакан.

— Я не буду, — ответила с заминкой.

— Не переживай, я не собираюсь тебя спаивать. Это было бы слишком скучно.

Внутри похолодало. Пальцы машинально сжали подлокотник.

— Давид, скажи, что ты хочешь от меня?

Он изогнул бровь и поднес стакан к губам. Содержимое плескалось, продолжая наполнять комнату чем-то пьяняще дорогим и миндальным.

— Выполнение условий договора. Там твоя подпись согласия.

— Я спрашиваю не про бумагу, — голос дрогнул против воли. — Что ты хочешь на самом деле?

Он развалился в кресле напротив, держал стакан рядом с лицом. Но не сделал ни одного глотка:

— А какой ответ тебе понравится?

Я замялась.

Действительно, что я хотела услышать?

Он явно понимал, о чем речь, но продолжал играть.

— Я не хочу, чтобы ты переходил границы, — выдохнула, наконец.

Тишина. Секунда молчания.

И вдруг усмешка. Кривая, надменная.

— Разве я их нарушаю?

Я молчала. Он чуть наклонил голову, ловя мой взгляд.

— Я обещал не трогать без твоего согласия. Как видишь, держу слово.

— Это не так...

Я мгновенно вспомнила, как его рука касалась меня. Даже то, как он оставил короткий поцелуй на моих губах. Да, короткий, мимолетный, но у меня от него еще долго горели губы, словно их прижгли каленым железом.

— Правда? — уголок его губ дернулся.

Стакан с грохотом опустился на стол.

Секунда и он уже был передо мной. Склонился, опираясь на подлокотники кулаками.

— Напомни, в какой момент это было? — горячее дыхание обожгло мою щеку, скользнуло по губам.

Я машинально вжалась в спинку кресла, по телу прошла жаркая волна. Проклятая, предательская тягучая лава. Дыхание сбилось. Я смотрела в его глаза. Потемневшие, буравящие насквозь.

— Сейчас я тоже нарушаю твои границы?

Воздух завибрировал, низ живота затянуло.

Он слишком близко.

— Давид...

— Вопрос простой, сможешь ответить? — снова его дыхание опалило кожу, снова через тело прошла горячая волна и тягучая слабость. Я вдохнула раскаленный воздух, невольно потерла колено о колено. Сжала их. Во рту пересохло.

— Может я насильно заставил тебя подписать договор, — низкий хриплый тембр ударил по сознанию.

Я задышала чаще.

— У меня не было выбора, — произнесла, понимая, что смотрю на изгиб его губ. То как они двигаются, когда он ухмыляется.

— Был. Ты могла послать его. Могла уйти. Могла забыть. Но ты здесь. — его пальцы коснулись пряди волос у моего лица. Точно так же как тогда... ночью на вечеринке.

Все было смутным. Но каждое его движение осязаемым. Я помнила, как внизу живота скручивался тугой узел и как было некомфортно от намочшего белья. То, в чем я не хотела себе признаться.

— Ты делаешь вид, что тебя заперли, — проконстатировал он. Жестко. Впиваясь глазами в мои черты. Меня прострелило спазмом.

— Это неправда, — машинально мотнула головой. Щеки горели.

— Тогда уйди. — Он выпрямился. Кивнул в сторону. — Дверь открыта. Контракт можно расторгнуть. Прямо сейчас.

Я поерзала в кресле.

Его слова отрезвили, но я все еще балансировала между странным состоянием, когда между бедер ощутимо зудит, а сознание словно сковало льдом.

— Если я уйду, Кирилл...

— Останется моим должником. А долги даже друзья должны отдавать.

— Это жестоко...

Давид дернул уголком губ. Подхватил стакан со стола и сделав глоток, задумался. Молчание затягивалось.

Когда он заговорил, звучало так, словно он обращается в пространство, а не ко мне.

— Кириллу очень повезло, что у него есть отзывчивая девушка, готовая пожертвовать собой во благо спасения парня.

Я стиснула зубы. В этот момент мне самой захотелось потянуться за стаканом и опрокинуть его за раз. Я не стала. Не доставлю ему такого удовольствия.

— Я пойду в свою комнату, — произнесла, чувствуя, что даже голос звучит как сплошная капитуляция. Мне хотелось просто опустить голову и прошмыгнуть мимо него.

Но он внезапно вырос прямо передо мной. Я чуть не впечаталась в его торс.

— Вот видишь, — Давид смотрел на меня сверху вниз. А я чувствовала жар его кожи. — Дело не во мне. И ты начинаешь это понимать.

Молча обошла его. Я и так была взбудоражена до предела. Меня подзнабливало, хотелось побыстрее спрятаться.

Шла к двери и чувствовала, как его взгляд прожигает ткань платья. Скользит по позвоночнику к талии. Медленно. Тяжело. Ниже, к бедрам. Кожа горела, будто он касался меня пальцами.

— Дверь открыта, Геля. С твоей стороны. Заходи в любое время.

Глава 5

Утром я сбежала в институт раньше, чем Давид спустился к завтраку. Не хотелось сидеть напротив него, чувствовать на себе этот спокойный, оценивающий взгляд и делать вид, что ночной разговор мне приснился. Он не приснился.

В аудитории было шумно. И сегодня планировался совместный проект. Нас разбили на пары и Лера Зимина, разумеется, оказалась моим «партнером». Преподаватель, Семен Аркадьевич, сухонький старик с ядовитым языком, раздавал задания и попутно прохаживался по чужим эскизам.

— Власова, Зимина, ваш черед. Показывайте концепцию.

Я разложила листы. Лера стояла рядом, лениво перекатывая карандаш в пальцах и даже не смотрела на чертежи.

— У Власовой теперь другие интересы, Семен Аркадьевич, — протянула она громко, на всю аудиторию. — Ей не до архитектуры. У нее появился спонсор. Или, как это сейчас называют, папик.

По рядам пробежал смешок. Я почувствовала, как загорелись щеки.

— Попрошу без комментариев, Зимина, — поморщился преподаватель, но взгляд его скользнул по мне с новым, неприятным интересом. — Власова, вы подготовились? Или действительно отвлекаетесь на... внеучебную деятельность?

— Я подготовилась, — ответила ровно, хотя внутри все кипело. — Концепция жилого комплекса с учетом инсоляции и розы ветров. Вот расчеты.

Я ткнула пальцем в лист. Лера хмыкнула:

— Расчеты? Или это Воронцов тебе посчитал? Он, говорят, хорошо считает. Особенно чужие долги.

Последнее слово хлестнуло как пощечина. Я резко выпрямилась и посмотрела ей прямо в глаза.

— Ты можешь хоть раз открыть рот по делу, а не для сплетен? Или тебе самой заняться нечем, кроме как считать, кто с кем спит?

В аудитории повисла тишина. Семен Аркадьевич снял очки и посмотрел на меня поверх стекол.

— Власова, держите себя в руках. И тон ваш мне не нравится.

Я прикусила язык. Лера улыбнулась сладкой приторной улыбкой. Почти победной. Я знала, что проиграла этот раунд. Преподаватель поставил пометку в своем блокноте и двинулся дальше, а я осталась стоять, чувствуя, как горят уши и как внутри закипает бессильная ярость.

После пар я вышла из института и набрала Кирилла. Вначале он не отвечал. Я успела почувствовать подступающий к горлу нервоз. Но наконец в трубке раздался его голос. Глухой и усталый.

Я вздохнула с облегчением.

— Давай встретимся. Не у тебя, — предложила ему. — В «Кофе-хаусе» на Садовой.

Место выбрала почти наугад. Но мы там раньше периодически бывали.

Он пришел через полчаса. Я присмотрелась к нему. Щетина, мятая футболка, темные круги под глазами. В груди защемило. Когда-то он был самым красивым парнем на потоке. Сейчас выглядел плохо.

— Как ты? — я пододвинула к нему стаканчик кофе. Его любимого, миндального латте. — Я взяла тебе кофе.

— Плохо, Геля. Мне нужны еще деньги. Совсем немного. Закрывать хвосты.

— Еще?! — я сжала стакан с кофе. — Кирилл, ты говорил, что долг спишут.

— Спишут. Но есть проценты, есть мелкие долги, о которых я не сказал... — он потер лицо ладонями. — Ты же знаешь, я не хотел тебя впутывать. Ты сама согласилась.

— Я согласилась на месяц. А ты просишь меня снова и снова.

— Я не тебя прошу. Я просто... — он осекся и посмотрел на меня жалобно. — У тебя есть сбережения? Ты говорила, откладывала на магистратуру.

Внутри похолодело. Он знал про мой счет. Знал, что я два года копила, отказывая себе во всем.

— Кирилл...

Пальцы дрогнули. Я на секунду прикрыла веки. Мне нужно было несколько секунд чтобы переварить.

— Сколько тебе нужно?

Он назвал сумму — ровно столько, сколько я успела накопить. До копеечки.

— Ты серьезно? — прошептала, чувствуя, как земля уходит из под ног.

— Я отдам. Клянусь. Как только все наладится.

Его руки дрогнули. Я не понимала... он врёт или сам верит, что отдаст. Но «наладится» звучало как-то абстрактно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.